

Евгений Парушин

*Один миг
и вся жизнь*

Евгений Парушин

Один миг и вся жизнь

«Издательские решения»

Парушин Е.

Один миг и вся жизнь / Е. Парушин — «Издательские решения»,

Наша жизнь состоит из повседневности. Однако у каждого человека есть несколько моментов, которые оставляют след в душе, определяют существование на много лет вперёд и служат в конце пути вехами при осмыслении прожитого. Иногда такой всплеск оказывается последним мигом и тогда становится самым важным для человека. Этим важным и редким мигам жизни посвящены рассказы и миниатюры в книге, которая перед вами.

© Парушин Е.

© Издательские решения

Содержание

Огонь и снег	6
Золотая Рыбка	8
Одни сутки Алексея Николаевича	10
Пробуждение	20
Остановка	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Один миг и вся жизнь

Евгений Парушин

© Евгений Парушин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Огонь и снег

Человек шёл по горящему лесу. Вокруг пылал огонь. Горели деревья, горел мох и горел он сам. Языки пламени лизали его, проходили насквозь и вызывали дикую, ни с чем несравнимую боль. Но старик упорно шёл в чащу леса в самое пекло. Огонь, боль и тело стало одним целым.

Человек проснулся. Лес исчез. Огонь и боль остались. Дед Гаврила откинул одеяло и сел на кровати. Поздняя ночь. Уличный фонарь освещает комнату и худого, очень старого человека в трусах. Вокруг бесконечная тишина.

Кряхтя и вздыхая Гаврила встал и медленно подошёл к окну. Там в лучах света медленно падают огромные снежинки. Их много, очень много, кажется, что за окном шевелится неведомое белое пушистое и совершенно невесомое существо. Огонь внутри, лёгкий мороз и блаженство снаружи. Пол приятно холодит ступни ног. Гаврила успокоился. Боль не пропала, она спряталась, давая подумать и посмотреть на вальсирующие пушинки.

Старик осмотрелся. Его дом остался таким же, каким был и почти сто лет назад, когда он впервые открыл глаза в этом мире. Отсюда он с братьями и сёстрами ушёл на войну, с которой вернулся один. Сюда, к старикам родителям, он вернулся из города, уйдя на пенсию. Отсюда он проводил их и свою жену в последний путь.

«А ведь всего неделю назад казалось, что впереди ещё много времени» – подумал Гаврила. Память, которая давно растеряла мелкие события прошлого, неплохо хранила недавние события.

Всё началось неожиданно. Гаврила в хорошем настроении собрался позавтракать и вдруг стены начали плавно поворачиваться, пол наклонился и упал на грудь и лицо. На шум прибежала дочь и, причитая, перевернула его на спину. Стены успокоились, они поняли, что вели себя неправильно. Пол стал твёрдым, холодным и горизонтальным.

Дочка помогла Гавриле встать, посадила за стол кушать, а потом вызвала врача. Доктор пришёл быстро и, осмотрев больного, вздохнул, пожелал ему здоровья и вышел в соседнюю комнату, чтобы выписать лекарства и пошептаться с хозяйкой.

Когда он ушёл, дед устроился поудобнее на стуле напротив дочери и приступил к допросу:

– Ну, что сказал наш доктор. Я понимаю так, что дело плохо. Сколько у меня есть времени?

– Ты чего, папа, подлечим мы тебя. Чего это ты надумал, – опустив глаза в пол, бодро проговорила дочь.

Дед Гаврила вздохнул:

– Послушай, доченька, я прожил очень много и много видел. Я хочу понять, сколько мне осталось. Подвести итоги. Вспомнить жену – матушку твою. Посмотреть фотографии друзей, я ведь последний из нашей дружной компании на этом свете. Поболтать с внуками. Не мешайте мне, пожалуйста.

– Папа, я тебя хорошо понимаю, чай самой уже скоро собираться. Ладно, расскажу. Доктор наш говорит, что ещё неделю, другую ты сможешь нормально жить, а потом как получится, – и бесшумно заплакала, как плачут старые измученные жизнью люди.

Дед молча встал и, подойдя к плачущей старой женщине, обнял её за плечи. Прошло около получаса. Бабушка успокоилась и только растеряно хлопала глазами, глядя снизу вверх на отца, который был спокоен и умиротворён как никогда.

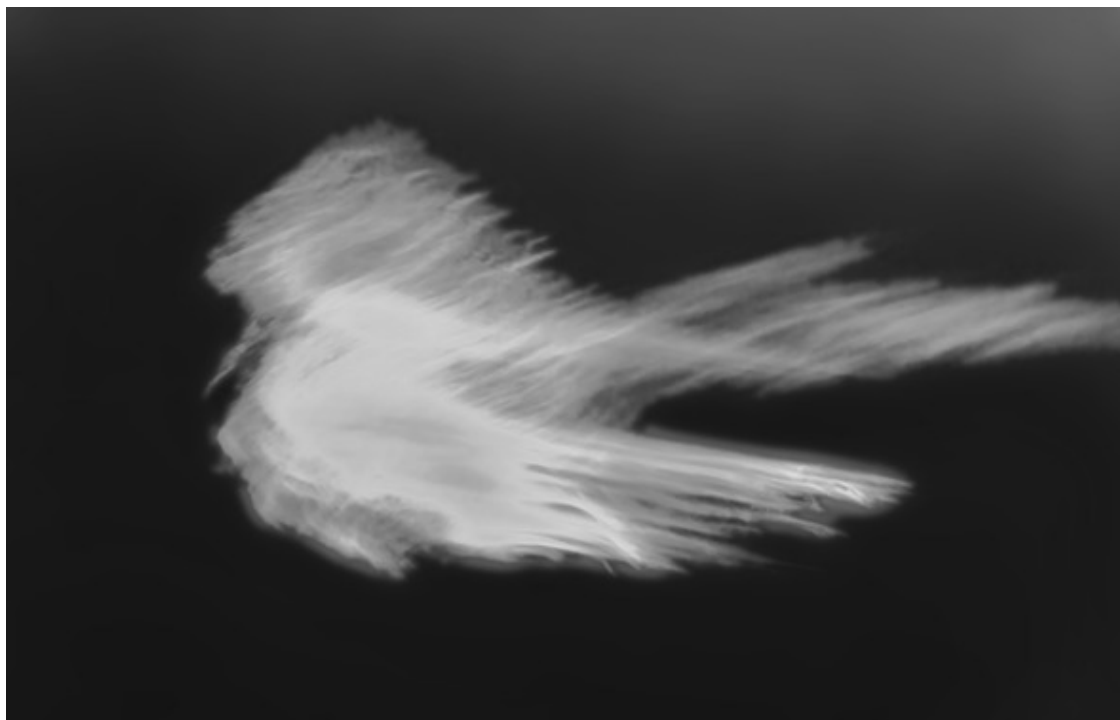
Вернувшись на своё место, Гаврила попросил:

– Ты пока молчи, ни с кем ничего не обсуждай. Хочу посмотреть на наших детишек, внуков, правнуков. Но так, чтобы они не на поминки приезжали, а просто в гости. Сможешь не болтать лишнего?

– Да, – вытирая слезы, ответила старушка, – пусть будет так, как ты хочешь. Я постараюсь.

После обеда они достали старый семейный альбом, которому было больше века, и погрузились в воспоминания до поздней ночи. В выходные собралась родня. По дому и участку носились дети, бродили взрослые, а бабушки и дедушки степенно сидели в маленькой комнате и разговаривали о своём, старикашечьем.

Незаметно прошла неделя и вот, вчера вечером Гаврила почувствовал себя неважно. Наглотившись таблеток, он пожелал дочери спокойной ночи и лёг спать. Уснул быстро с устатку и вот на тебе. Жар снова охватил его. Огонь разгорался, и возвращалась нестерпимая боль во всём теле.

«Позвать дочь?» – подумал старик, но язык распух, и, казалось, не может шевелиться.

«Эх, не буду пугать, пойду постою на крыльчке. Может само отпустит» – тихо прошептал он и побрёл к двери.

Стул попался на пути и упал с ужасным грохотом. Гаврила замер, но дочка, слава богу, не проснулась. Покачав головой, он, держась руками за стенки, вышел на крыльцо.

Снег шёл тихо. Каждая снежинка светила в свете фонаря. «Ух ты! Красотища. Какой подарок судьбы» – подумал дед.

Он спустился с крыльца, пересёк площадку и вошёл по колено в снег на цветочной клумбе. Огонь чуть-чуть отступил. Тогда Гаврила встал на колени и, зачерпнув снег руками, обтёр лицо и грудь. Стало легко и хорошо. Огонь, а потом и боль исчезли. Блаженство охватило его старые и измученные душу и тело.

Утром дочка деда Гаврилы нашла его лежащим ничком во весь рост на клумбе. Снежинки падали, но уже не таяли.

Золотая Рыбка

Они держали друг друга за руки и, улыбаясь, вспоминали прошлое, которое казалось таким близким.

– Помнишь, как мы познакомились? – спросила она.

– Конечно, мы тогда сдали зачёт и остались всей группой, чтобы отметить этот светлый миг, – улыбаясь воспоминаниям, ответил он.

– А я пришла за братом, Петей, думала мы поедем вместе домой и попалась... – проговорила медленно она. Улыбка пробежала по лицу и спряталась в морщинках.

– Ну да, я смотрю, новая девушка в жёлтом платье, очень маленькая. Я тебя в институте до этого видел, просто не обращал внимания, – вспомнил он.

– А ты был такой здоровый, как африканский бегемот, и улыбался как мультяшка.

– А ты была как маленькая рыбка, попавшая в новое место, шархалась от всех и хлопала ресницами. Ты мне очень понравилась. А помнишь, как ты представилась? Я с Петей! Хорошо, что я сообразил, что он твой брат, а не приятель.

– Ещё бы, напугал ты меня тогда, чудище ужасное, я даже имя своё забыла.

– Я сразу подумал, вот она моя Золотая Рыбка!

– Ну да, представился и сразу – цап.

– Да не цап, а поймал свою Золотую Рыбку. Как ты отчаянно сопротивлялась, помнишь? А потом уселась на руке как ребёнок, подогнула ножки и успокоилась.

– А что толку сопротивляться, я руки моментально об твою башку отбила, а ты довольно урчал и говорил, что массаж тебе нравится.

– Ты такая лёгонькая была, я мог бы весь вечер с тобой на руках танцевать.

– Да, танцевал ты хорошо, немножко страшно было, но очень приятно. Как в кино.

– Ага, а потом мы отметили сдачу зачёта, выпили малость и снова танцевали, пока нас не расшугала уборщица.

– Выпили, если это можно так назвать. Аж целых три бутылки вина из трёх гранёных стаканов, украденных в автомате с газировкой, на двадцать человек. Просто назюзюкались, – она улыбнулась.

– Точно, а Петя твой тут же смылся куда-то с подружкой. Обрадовался, что о сестричке позаботятся.

– А потом ты меня домой провожал, а там, на остановке моя мама, вся на нервах, район беспокойный был, боялась за меня страшно.

– Она такая взъерошенная была. Так хотелось её успокоить.

– Ну, ты и успокоил. Надо же было догадаться и попросить у неё согласие на свадьбу! Она же еле до дома добрела, а потом ещё десять лет поминала мне твою сообразительность.

– Не так было дело, я только спросил, отдаст ли она мне Золотую Рыбку в жёны. Я ведь пошутил, а вон что вышло...

– Шутка мне понравилась. А мама, с испугу, сразу согласилась, даже у меня не спросила. Так отцу и доложила от дверей. Он аж онемел и слова весь вечер вымолвить не мог!

– Да, ты на свадьбе была в том самом платье, своём, золотистом. Я настоял, помнишь?

– Ну, конечно, ты всегда добивался своего. А потом всё было снова как у людей, даже вспомнить нечего. Только дети – два светлых пятнышка. А так работа, проблемы, хлопоты. Да и ты такой большой, а здоровья то никакого. Вон тебе и полтинника нет, а уже два инфаркта схлопотал... Господи, как вы без меня будете?

– Ты не спеши, всё утрясётся, поправишься. Мы ещё внучат понянчим.

– Вряд ли. Меня этот проклятый рак уже доедает. Может тебе повезёт их увидеть.

– Ну что ты, Золотая Рыбка, держись, рано нам.

– Всё, я больше не могу, я тебя люблю – едва шевеля губами, проговорила она и закрыла глаза.

Лёгкая судорога пробежала по её невесомому телу. Он всё понял и медленно сполз со стула на пол, оперся спиной на прикроватный столик, не выпуская крохотной руки жены из своих огромных, плохо слушающихся рук.

Из последних сил он попросил, – Подожди меня, Золотая Рыбка, я с тобой, подожди, ну чуть-чуть подожди, – и провалился в пустоту небытия.

Одни сутки Алексея Николаевича

Алексей Николаевич, с удовольствием досматривал утренний сон, как зазвонил телефон. Поймав на тумбочке верещающий кусок пластмассы, Алексей сначала взглянул на время и изумился. Давненько он не спал почти до полудня в рабочий день. Вызов шёл с рабочего телефона кафедры и ничего хорошо, учитывая события недавнего прошлого, звонок не сулил. Однако надо отвечать, и Алексей решительно нажал зелёную клавишу. Наверняка звонила Катя, секретарь кафедры и вообще мамочка их сумасшедшего хозяйства.

– Слушаю, – прокашлявшись, ответил Алексей невидимому собеседнику.

– Это я, – проговорила трубка голосом Кати, – вас, Алексей Николаевич, хочет видеть сегодня Владимир Иванович по важному вопросу.

Владимир Иванович, он же Шеф, он же заведующий кафедрой, очевидно, стоял рядом, иначе обращение было совершенно иным. Поэтому Алексей, вздохнув, ответил:

– Я сегодня буду, у меня две пары с шестнадцати.

– Да-да, но Владимир Иванович просит вас подойти пораньше, часам к двум, чтобы прийти в норму к началу занятий, – поведала Катя.

– Ага, понятно, меня ждёт полноформатный педагогический акт, мне даже часок дают на то, чтобы от него оклематься. Очень трогательно... – тихо проворчал Алексей. Про себя он подумал: «не всё так плохо, пожуют и выплюнут без особых санкций, похоже. И надо же было так проколоться на Совете института, черт меня подери».

Алексей печально вздохнул, но в трубку сказал спокойным голосом:

– Хорошо, я понял, обязательно буду.

В ответ он услышал короткие гудки.

Сделав несколько кругов по комнате, Алексей остановился у окна. Не стоит переживать, – думал он, – ничего страшного не произойдет, да и что вообще может произойти? Даже не выгонят, – хотя и такой расклад Алексея не пугал, но состояние взвинченности не проходило. За окном было холодно и ветрено. Поздняя осень или начало зимы, а что именно зависит от уровня оптимизма наблюдателя – подумал он и улыбнулся своим мыслям.

Его рыжий, местами полосатый кот, тёрся о ноги, предлагая покормить домашнее животное, как положено приличным людям с утра, а не смотреть в окно без всякого на то резона. Алексей очнулся и быстро прошёл на кухню, включил чайник и от души отвалил кошаку консервов из жестяной банки, которая немедленно полетела в помойное ведро. Сидя на табуретке и запивая горячим кофе из полулитровой чашки огромный бутерброд, он опять прокручивал возможный ход событий, которые ждут его в ближайшее время. Всё говорило за мирный исход, но дискомфорт внизу живота не проходил. В результате Алексей просто разозлился на самого себя: – «что за дурость, нервничать из-за возможного выговора за совершенно дурацкую выходку, и даже не выходку, а нелепую случайность, черт побери». Позавтракав и приведя кухню в порядок, Алексей вернулся в комнату и уселся в любимом старом кресле. Кот немедленно материализовался на коленях и беспокойство отступило. У Алексея было в запасе пара часов, и он предался воспоминаниям.

Младшим научным сотрудником Лёша пришёл в институт больше десяти лет назад, но очень быстро понял, что его научная работа никому не нужна, ну никак и ни с какого боку. Без особого труда он освоил преподавательскую работу. Ему сваливали лабораторные работы, семинары и все-все-все, кроме лекций, за которые была жесточайшая конкуренция старших товарищей. Лаборатории никак не финансировались уже много лет, поэтому приходилось их восстанавливать и доводить работы, используя оборудование буквально с помойки. Алексей не возражал, ему было даже интересно копошиться вместе с лаборантами, переходя из одной лаборатории в другую. В какой-то момент финансирование науки вообще умерло, и его пере-

вели в штат кафедры. Для разнообразия стали давать читать лекции на непрофильных факультетах. Это было забавно и весело. Ответственность минимальная, а на стандартный вопрос: «что непонятно?» после лекции из аудитории был всегда один и тот риторический вопрос-ответ: – «а зачем вы нам это рассказываете, нам это совсем и не надо. . .». Сначала Алексей, уже ставший Алексеем Николаевичем, переживал и пытался со страстью что-то доказывать и объяснять, но со временем смирился и разводил руками, показывая, что таков мир, в котором они живут, и его следует принимать, как он есть. В наследство от научной работы ему досталась комната, которую когда-то была набита доисторическими приборами непонятного назначения и экспериментальными стендами. Они создавались под диссертации и после завершения работ становились никому не нужными. Теперь комнатку шириной меньше трёх метров и длиной более шести величали его кабинетом. Чтобы ее не реквизируют, на входе стояло нечто олицетворяющее могущество науки, собранное из остатков былой роскоши. Это чудо мысли было в паутине проводов, отобранных по принципу, чем лучше блестит, тем нужнее. Паук был явно нетрезв, приборы обесточены от греха, но на непрофессионала это сооружение производило неизгладимое впечатление. Напротив стоял чудовищного размера лекционный стол, выдавший виды и слышавший лекции патриархов. На нем стоял пожилой компьютер, а всё остальное пространство на столе было завалено бумагами. Там было все, от инструкций министерства и планов работы, до журналов и рекламных листовок с выставок и, конечно, ведомостей успеваемости и студенческих работ. Раз в полгода по случаю очередного субботника, нижний слой макулатуры сантиметров эдак в десять разбирался Катей, которая обнаруживала в них давно пропавшие важнейшие документы, которые немедленно подшивались в делопроизводство, а остальное отправлялось на институтскую помойку.

Зато вторая половина комнаты была совершенно иная. За двумя книжными шкафами, перегораживавшими комнату и олицетворявшими научную библиотеку, был уютный уголок. Проход был сделан за установкой по изучению черти-чего, причём так, что его не было видно от двери. Небольшое, высоко расположенное окно с решётками, под которым на улице стояла скамейка, на которой всегда щебетали студенты, создавало неповторимую обстановку отшельничества. В углу приспособился маленький столик с чайными принадлежностями, шкафчик с вкусами. И, наконец, самое важное в кабинете Алексея – это огромный чёрный кожаный диван, занимавший больше половины закутка, который появился на свет ещё до революции и, кажется, только здесь нашёл своё настоящее место. Своё гнездо Алексей бдительно охранял от посягательств коллег и начальства и пока это ему удавалось. Впереди было тоже, что и позади, вероятность повышения была почти равна нулю, ввиду буйного нрава и неготовности прогнуться ниже копчика перед руководством института. Так что позади вечность, впереди вечность, разве что произойдёт что-то немислимое.

Очнувшись из состояния лёгкой дремоты, Алексей понял, что тревожность ушла, и мир снова стал вполне пригоден для жизни. Мерзкая погода не раздражала, поскольку машина стояла у самого подъезда. Древний жигуленок, честно послуживший нескольким хозяевам, был в хорошем состоянии, практически не ломался и вполне отвечал пожеланиям Алексея. Ничего круче ему и не хотелось, до работы доехать можно, благо недалеко, в магазин тоже, а для чего ещё нужна нормальному человеку машина.

Алексей встал, потянулся и понял, что времени ещё много и нет смысла суесться. Можно было бы и подремать, особенно после вчерашнего, но он чувствовал, что не получится. А собственно, что же произошло вчера? Алексей вдруг понял, что не может вспомнить события вчерашнего вечера, хотя ни капли спиртного не допускал за рулём. Он снова уселся в кресло, твёрдо решив восстановить события последних суток. Ну ладно, с утра вёл занятия, четыре часа лекций, пообедал в студенческой столовой, рискуя жизнью, потом писал какую-то реферат, потом семинар на вечернем отделении. Ага, вот тут то и началось самое интересное, понял Алексей. В конце занятий в аудитории осталось только две девушки, которые тщетно

пытались убедить Алексея Николаевича в том, что учебник написан ужасно, хотя бы потому, что они прочли его шесть раз и всё равно ничего не поняли. Попытки убедить их в обратном, были тщетны. Когда они дружно посмотрели на время, которое отсчитывали древние электрические часы на стене аудитории, им стало весело и грустно одновременно. Девушки в один голос запричитали и стали просить Алексея Николаевича пусть даже без зачёта подкинут их до метро, а то на улице холодно, сыро, страшно, а они отработали полный рабочий день и ещё пару часов впустую сражались с ним в этой унылой аудитории. Он, конечно, не мог им отказать и через пару минут они сидели в промёрзшей до последней железки машине и ждали, когда старый мотор хоть чуть-чуть согреется и согласится стронуть с места эту колымагу. Довольно быстро в салоне потеплело и, поняв из разговора, что до метро почти столько же, сколько до одной из подружек, он предложил подкинуть её до дома. В ответ раздались восторженные вопли с заднего сидения и машина тронулась. Выпустив первую девушку у подъезда, он предложил оставшейся жертве отечественного образования, вместо меню, список ближайших станций метро. Она угрелась и жалобно попросила подкинуть до дома, вроде это совсем и не далеко от места, где они оказались. Вдохнув, Алексей согласился, ему стало очень жалко женщину, которая дожив до четвёртого десятка, непонятно зачем училась в институте, а следовало бы ей повторить учёбу в школе с класса так шестого-седьмого. Подъехав к подъезду, он остановился и неожиданно для себя поинтересовался, найдёт ли она свою квартиру. Девушка совсем не соответствовала его вкусу, такая тихая сутулящаяся конторская крыска в больших очках, выдававших сильную близорукость хозяйки и закутанная в выцветший бабушкин шерстяной платок. Никаких крамольных мыслей у него не было, он чувствовал дикую усталость после десяти академических часов и нестерпимое чувство голода. Она усмехнулась в ответ и поведала, что для того чтобы она не смогла найти дверь ей следовало бы ещё часов шесть сдавать любимому преподавателю зачёт. Однако время позднее, и она не откажется от сопровождения, добавив с усмешкой, что по всему видно, что Алексей Николаевич никуда не спешит и думает только о содержимом своего холодильника. Мысль о чашке горячего сладкого чая вывела Алексея из состояния прострации, и он с неожиданной резвостью выскочил из машины и открыл перед дамой дверь сначала авто, а потом подъезда.

Войдя в квартиру, он удивился, она была очень похожа на его пристанище, та же компоновка, даже мебель мало отличалась. Девушка, казалось, прочла его мысли и сказала, что эта квартира ей досталась по наследству и ничего с ней делать она не собирается. До работы пешком пять минут, что ещё надо? Алексей согласился и, помыв руки, прошёл в кухню, которая, как известно, в наших краях одновременно служит и гостиной. Распотрошив холодильник, они с удовольствием пили чай с бутербродами и пирожными. Алексей обнаружил, что ещё чуть-чуть и он уснёт сидя на мягкой сидухе кухонного уголка. Хозяйка, похоже, была в аналогичном состоянии и, задремав, выронила сначала пирожное, а потом вылила полчашки чая на брюки своего рабочего и, возможно, единственного костюма.

Захлопав глазами и взвизгнув, она выбежала с кухни. Алексей пригубил чашку и провалился в небытие. Прошло не менее получаса, как он услышал сквозь сон весёлый смех. Он смутился и открыл глаза. Перед ним стояла совершенно другая женщина, с распущенными волосами, без очков, под которыми, как оказалось, скрывались большие тёмные глаза. Но самое потрясающее было в том, как она была одета. На ней был огромный тёмно-синий халат с большими ручной вышивки цветами. Это было нечто, не вписывающееся в интерьер помещения, но удивительно гармонирующее с хозяйкой.

Алексей открыл рот, неучтиво захолопал глазами и ляпнул:

– С ума сойти, ну прямо Царевна-Лягушка.

Она расхохоталась, ей очень понравилась реакция сурового на вид мужчины и ответила:

– Лягушачья шкурка хорошо спрятана в стиральной машине. Враги не доберутся. А что, нравится?

Алексей ошарашенный донельзя пробормотал:

– Да уж и хозяйка великолепна, и одёжка роскошная. Здорово.

Он встал с сидения и, сделав шаг к девушке, опустился на одно колено и поцеловал ей ручку со словами:

– Я потрясён Вами Царевна.

Она, изумлённая его выходкой, всплеснула руками и опустила их на плечи Алексея. Дальше память отказала ему. Он вскочил с кресла, сделал круг по комнате, дошёл до кухни, выпил водички. И ничего не вспомнил. Если сон, то это слишком, пора жениться. Если не сон, то почему ничего не помню, неужели ведьма отборная попала на его пути. После длительных усилий Алексей вспомнил, что очнулся в углу сидухи на кухне в том самом халате. Халат был настолько лёгкий, мягкий, тёплый и невероятно уютный, что Алексей не мог поверить в его реальность. На столике стояла чашка с ледяным чаем, вокруг была абсолютная тишина. Часы показывали четыре часа ночи. Посмотрев на них, Алексей окончательно проснулся, поняв, что он не дома. Везде горел свет, дверь в комнату была приоткрыта. Свернувшись в клубочек, сладко спала его Царевна, свою одежду он обнаружил аккуратно сложенной на стуле у двери. Чтобы наверняка проснуться, Алексей спустился вниз по лестнице, проигнорировав лифт. Машина ждала на месте, мгновенно завелась и охотно отвезла его домой. Дома он принял тёплый душ и уснул сном младенца уже под утро.

С полчаса Алексей просидел, пытаясь понять, что это было. «Точно, пора жениться, а то и не такое присниться может», – проговорил он вслух и начал собираться на работу. Однако, надев пиджак, он обнаружил небольшое пятно на рукаве, которого точно не было накануне. Оно было свежим и по цвету соответствовало пирожному Царевны, как он её теперь про себя называл. Разум взял верх и подсказал Алексею, что через неделю ему снова вести ту самую группу, вот тогда и он разберётся, что же произошло на самом деле.

Осмотрев себя в зеркало и почистив пятнышко, которое стало совсем незаметным, Алексей взял портфель. Кожаное истёртое в ноль чудище было ему абсолютно не нужно, но путешествовало изо дня в день с ним на работу и с работы. Ритуал соблюдался почти десять лет и Алексей не собирался ничего менять.

У института не было мест, и он воткнул свою железяку за углом у магазинчика. За воспоминаниями и ездой он совершенно забыл, зачем так рано припёрся в институт и, войдя к себе в кабинет, повесил плащ в шкаф и не успел даже сосредоточиться, как дверь открылась и вошла Катя.

– Ну как готов получить по башке за свои дурацкие выходки? – вместо приветствия ласково с издёвкой проворковала Катя.

Алексей вспомнил причины своего раннего приезда и вздохнул:

– Конечно, можно подумать у меня есть выбор.

– Это ты правильно, Лёша, думаешь. Шефа с утра проректор за тебя отодрал, потом ещё и ректор добавил немного. Сначала кричали, что надо стереть раздолбая в порошок, уволить, разорвать на части, выписать волчий билет. Потом, вроде приуспокоились и велели тебя примерно наказать, – на одном дыхании поведала Катя.

– Точно, у нас одна старая крыса... – задумчиво проговорил Алексей.

– Ты чего, сошёл с ума от страха, что ли? – изумилась Катя.

– Не, это не я, это Экзюпери в Маленьком принце написал, – после паузы сказал Алексей и, вскочив со стула, спросил, – Аутодафе готово? Идём?

– Пойдём, меня ведь за тобой послали. Шеф с Дедом ждут в кабинете. Да ты не бойся, не должны выгнать, только не лезь в бутылку и не хамя, знаю я тебя, – негромко с лёгким раздражением проговорила Катя и открыла дверь.

Итак, Шеф и Дед, думал Алексей, медленно бредя по коридору за Катей. Они были практически одного возраста. Оба когда-то пришли в институт после школы, оба его закончили,

подрабатывая лаборантами на кафедре, оба прошли аспирантуру, и оба, в конце концов, получили профессоров и сохранили удивительную дружбу, несмотря на разные ступеньки служебной лестницы, которые они занимали уже много лет. Шеф стал завкафедрой, а Дед остался простым профессором и в качестве общественной нагрузки с середины 80-х отвечал за профсоюзную работу на кафедре. Шеф носил костюмы, на которых не было даже морщинок, каждый волосок на голове и в бороде точно знал своё место. Дед был свободен в одежде и мог явиться на лекцию в джинсах и рубашке, а клочковатая борода была поводом для шуток студентов в перерывах. Шеф всегда изъяснялся изысканно, подбирая слова и словосочетания порой архаичные, но точные. Дед мог выразиться вполне конкретно, но конечно в узком кругу. Ну и внешне они различались, Дед смотрелся маленьким и тщедушным рядом с шефом, хотя физически был очень даже ничего и мог пробежать десять километров на лыжах, а потом самостоятельно вернуться домой. Общее между ними было, пожалуй, но только одно – они оба не терпели выпивку и вранье, как коллег, так и студентов. Процесс воспоминаний прервался, когда Алексей оказался перед открытой дверью кабинета Шефа.

Из кабинета вышла Эмма, доцент и образец подражания всей кафедры. Она укоризненно посмотрела на Алексея и, покачав головой, пошла своим путём. Эмма была вовсе не Эмма, просто её имя и отчество было М.М., причём совершенно произносимое, поскольку родом она была откуда-то с Алтая. Возраст по ней определить было абсолютно невозможно из-за необычных пропорций лица и удивительно хрупкой фигуры. Догадаться, что она давно бабушка при первом взгляде было невозможно. К сокращению до Эммы она давно привыкла и отзывалась на новое имя, совершенно не обижаясь.

В проёме кабинета Шефа Катя пропустила Алексея вперёд и плотно закрыла за собой дверь. Слегка подтолкнув его к стулу, стоявшему посередине, она скользнула в тень и уселась рядом с Дедом. «Тройка и жертва» – подумал Алексей и, приняв покорный вид, предано посмотрел в глаза Шефу.

Шеф, явно подавляя улыбку, сказал:

– Уважаемый Алексей Николаевич, Вы, конечно понимаете, зачем мы вас пригласили?

– Нет, но вроде догадываюсь, – делая заинтересованное лицо, ответил Алексей.

– Вы только догадываетесь, это крайне интересно звучит. Но тогда скажите, уважаемый, зачем вы на заседании совета института публично так оскорбили Ректора, который вам лично ничего плохого не сделал. Как можно было позволить себе назвать такого серьёзного человека, – тут Шеф призадумался, но ненадолго, преподавательский опыт не пропадает, – лицом с нетрадиционной ориентацией? – и вопросительно посмотрел на Алексея.

– Ну, так это же несчастный случай, а не умысел – ответил Алексей, подавляя усмешку, – так всегда бывает, что шум, гам, как в трамвае, а стоит матюгнуться, так обязательно тихо в этот момент будет.

Шеф вздохнул:

– Вы и в трамвае материтесь значит... Разве так можно себя вести человеку, которому доверено воспитание кадров, молодых, ещё незрелых людей.

– Черт возьми, – тихо проворчал Алексей и понял: «а ведь он не лицемерит, а действительно так думает».

Ему стало не то чтобы стыдно, но как-то некомфортно. Но вслух сказал:

– Да это я к слову, я редко матюгаюсь в транспорте. А тут просто промашка вышла, обещаю, что в дальнейшем буду аккуратнее.

– Надеюсь что будете. Кстати, поясните, пожалуйста, что вы под этим понимаете? Не будете сидеть спиной к докладчику, разговаривать в полный голос или использовать неподобающие слова и словосочетания во время заседания Совета института? – слегка разозлившись, спросил Шеф. Дед ухмыльнулся в усы, а Катя отвернулась, чтобы не фыркнуть от раздрающего её смеха.

Алексей понимал, что каждому из присутствующих надо исполнить свою роль в ритуале, а потом доложить по инстанциям о проведённой воспитательной работе, но бесёнок за него произнёс:

– Ну согласитесь, я ведь почти прав. Вот над вами он сегодня надругался со страшной силой, а вы-то тут при чем?

– Тьфу на вас, Лёша!!! – вмешался Дед, – Из-за вашего хамства отодрали заведующего кафедрой как последнего мальчишку, а вы посмеиваетесь!

– Ну, значит, я прав насчёт лица с нетрадиционной ориентацией, – ляпнул Алексей и понял, что это конец, сейчас его разорвут, как минимум на три части и понесут куски предъявлять ректору.

– Ладно, ладно, я завёлся, не обращаете внимания, я что-то устал в последнее время, заносит немного, – быстро и жалостливо как мог, продолжил Алексей пока собеседники не очухались от его наглости.

Во время затянувшейся паузы он, превратившись в воплощение кротости, осторожно произнёс:

– Я осознал и больше не буду, честное слово, – и, закрыв глаза, откинулся на стуле.

– Ну вот, так бы сразу, – обрадовался Дед, – незачем всех нервировать и самому заводиться. Теперь нам необходимо принять к тебе, Лёша, меры административного воздействия.

Катя всё-таки фыркнула и отвернулась, закрыв лицо руками, а Шеф повернулся на стуле так, что его профиль на фоне окна с капельками дождя был печален и возвышен.

Алексей успокоился, разборка идёт, как положено, теперь надо придумать себе наказание, да так, что бы в ректорате его пожалели и пожурили Шефа за строгость.

– Ну, давайте объявим мне выговор с занесением, лишим квартальной премии и летнего отпуска, – предложил Алексей, но быстро спохватился, – насчёт премии, я наверно, погорячился.

Но по виду собеседников он понял, что маловато будет, не поймут в ректорате Шефа. Да и выговор не пропустит юрист, не напишешь же в обосновании, что именно сказал Алексей о ректоре. Дед покачал головой и задумался. Шеф сидел как памятник, не шевелясь. Катя тоже собралась и затихла.

Подумав, обращаясь к Деду, Алексей предложил:

– Ну, давайте я выпью всю валерьянку, которую Катя бережёт для Эммы, а потом вы отвезёте меня домой, рыдающего и бесконечно переживающего за свой не слишком тактичный поступок.

Тот изумлённо поднял брови.

– Нет, нет, отвезти надо только в соседний двор, до машины. А Катя поможет вам вынести моё тело из института, – добавил Алексей.

– Ага, давайте ещё и неотложку Лёше вызовем, – с ухмылкой добавила Катя, – а после этого выговор схлопочет уже Владимир Иванович за негуманное обращение с подчинёнными.

– Не, не схлопочет, я объяснюсь с ректором, – приняв игру, неожиданно, заявил, Дед. Он улыбался от души возможности слегка развлечётся с пользой для дела.

– Эх, не получится, у меня в четыре семинар, – вспомнил Алексей.

– Ничего страшного, семинар проведёт мой аспирант, Саша, ему полезно. Задачу ему я сейчас поставлю, а Вы, Алексей Николаевич, пожалуйста, дайте ему тему, – вдруг решительно произнёс Шеф, мгновенно став настоящим заведующим и добавил, – идите в свой кабинет, я Сашу пришлю к Вам. И не вздумайте, на самом деле выпить весь пузырь с валерьянкой, там доза на слона, это же опасно.

Алексей хмыкнул, но не сдержался:

– Не видел, чтобы слонов поили валерьянкой, зато на сотню котов хватило бы этого пузырька, да и мне бы осталось, – выдал он мечтательно глядя в потолок.

Дед встал, потянулся и весело сказал:

– Ну давай, Лёша, быстро умирай и мы тебя оттранспортируем в твою берлогу. Катя, давай, ты с одной стороны поддерживай, а я с другой.

Троица боком выползла из кабинета в коридор, а подошедший сзади Шеф добавил в совершенно неестественном для него стиле:

– А в отпуск летом пойдёшь, хулиган несчастный, – и решительно закрыл дверь.

Для любого из коллег это означало беду, кроме Алексея, поскольку летний отпуск означал неучастие в приёмных экзаменах, а значит, существенно уменьшал заработок репетиторством. Алексей терпеть не мог это дело, ему хватило одной попытки, чтобы отбить всякое желание подрабатывать на абитуриентах.

Осторожно положив руку на плечо Деда и, основательно обняв Катю, Алексей побрёл в сторону кабинета, поёживаясь под взглядами студентов и коллег. Зайдя в кабинет, Алексей плюхнулся на свой любимый стул у компа. Дед, ухмыляясь, уселся напротив и задумчиво гладил свою клочковатую бороду, явно забыв об Алексее. Катя проскользнула за перегородку, и оттуда вскоре раздалось гудение чайника. Мир возвращался к своим основам. Через несколько минут они втроём сидели на диване и пили крепкий вкусный чай с конфетками, которые регулярно водились у Алексея. Это было единственное, что он позволял себе принимать в дар от студентов по случаю зачётов и экзаменов. Испив чаю, Дед поднялся и со словами:

– Ну ладно, Лёша, как оклемаешься и соберёшься уезжать – позвони, я тебя торжественно вывезу на своём катафалке, – исчез, оставив Алексея наедине с Катей.

– Ну что, пришёл в себя? Маловато Шеф тебя погрыз, ох маловато, – заявила, ехидно ухмыляясь, Катя, сидя с ногами на глубоко обожаемом ею диване.

– Вполне нормально, я ничего такого и не сделал, ну ляпнул в тишине, а какого лешего ректор припёрся в середине Совета? – проворчал Алексей, наливая себе вторую чашку.

Катя молчала, и Алексей опять провалился в воспоминания. Она появилась на кафедре практически одновременно с Алексеем. Привела скромную девушку подруга из деканата. Долго умолять Шефа не пришлось и через неделю, переоформившись с дневного на вечернее отделение, Катя вышла на работу. Числилась она, конечно, не секретарём, а старшим лаборантом, но это никого не волновало. Постепенно она нашла общий язык со всеми преподавателями, а это ведь очень непростое дело. Свою жизнь она не выставляла напоказ, но вскоре стало известно, что у неё пара мальчишек, живёт с мамой и умудряется успевать всё дома и на работе. При этом всегда приветливая и улыбчивая девушка вызывала только положительные эмоции. Важнейшей её обязанностью было отпаивание преподавателей чаем с булочками и печеньем после приёма экзаменов и зачётов. Даже опытным людям было трудно переварить тот поток бреда и чуши, который им сообщали студенты в доверительной форме. И, вообще, дел ей на кафедре хватало, особенно с планами и графиком работы. Все преподаватели хотели чего-то несбыточного, например, ходить пару дней в неделю на работу, не иметь окон между парами и читать только те курсы, которые отрабатывались годами.

Алексей от коллег отличался хотя бы тем, что ему было всё равно когда и кому преподавать. Окон между занятиями он заполнял чаепитием и работой в лабораториях, гоня нещадно лаборантов, которые почему-то не обижались. Алексей соглашался с лёгкостью как на резьбу по дубу, то есть лекционные курсы на дневном отделении профильного факультета, так и на плотницкие работы – семинары и лабораторные на непрофильных факультетах и у заочников. В результате он за пару лет стал абсолютно незаменимым сотрудником, поскольку мог подменить кого угодно, причём практически без подготовки.

Жизнь шла своим чередом, но как-то Шефу прислали пустографку отчёта на 10 страниц для министерства, посмотрев на которую, он тихо грустит. Катя беспомощно развела руками, и тогда на глаза Шефу попался довольный Алексей, вернувшийся с обеда. Шеф в непререкаемой форме поручил Алексею разобраться, заполнить документ без ошибок и как положено.

Добавив, что утром следующего дня следует положить ему на стол готовый документ, Шеф исчез, справедливо полагая, что поняв проблему, даже Алексей заорёт нечеловеческим голосом. Провозились Алексей с Катей допоздна. Больше половины цифр пришлось просто прикинуть на глаз, а кое-что заполнить, воспользовавшись монеткой в качестве рандомайзера. Съестное на кафедре закончилось, и они перебрались в логово Алексея. Уютный диван, вкусный чай сделали своё дело, и природа взяла своё. Около полуночи они снова попили чаю и стали прикидывать, что дальше делать. Катя позвонила маме и получила добро не мотаться по ночам. В итоге она душевно выпалась на диване, а Алексей сидел за компом и мучал очередную методичку почти до утра, пока не уснул, положив голову на клавиатуру. Та обрадовалась, и отредактированный текст методички едва влез на жёсткий диск. Никто на кафедре ничего не заподозрил и лишь изредка они оставались вдвоём после работы поговорить, попить чаю и отвести душу. Вспоминая этот кусок жизни, Алексей изумился, осознав, что прошло почти десять лет, а казалось, что это было вчера.

Очнулся Алексей от стука. Катя стучала костяшками пальцев по столику перед ним, и лицо её выражало полное умиление.

– Ты чего? – изумился Алексей.

– А ты где? Уснул что ли после педагогического акта? Или ещё, по какой причине засыпаешь стоя? – нахально глядя в глаза, спросила Катя.

– Я не сплю, просто задумался, вспомнил годы на кафедре, ничего такого, – бестолково захлопав глазами начал отговариваться Алексей.

– Ага, вроде очухался, ну и отлично, – уже совсем ласковым голосом прошептала Катя и усевшись за спиной, сидящего боком Алексея стала слегка массировать ему шею и плечи. Алексей заурчал от удовольствия, но где-то краешком сознания почувствовал подвох и насторожился.

Катя мгновенно поняла его мысли и, продолжая массировать плечи, перешла к самому интересному:

– Лёша, я так понимаю, что ты решил жениться и это очень и очень хорошо. Я одобряю твой выбор. Твоя Царевна мне нравится.

Алексей поперхнулся и потерял дар речи. В чувство его привели сильные хлопки по спине, и встревоженный голос Кати:

– Лёша! Лёша! Ты смотри, случаем от счастья-то не помри, не время.

Медленно возвращалось сознание, и внутренний голос ехидно заметил, что самое время вскочить, замахать руками, отнекиваться, а ему почему-то совсем не хочется этого делать. Тогда Алексей решил спокойно пообщаться с умным человеком, то есть с самим собой. Для начала он понял, что сообщение о женитьбе не вызвало, как это не парадоксально, никакого сопротивления, а наоборот, облегчение. Это гармонировало с утренними ощущениями и неосторожными мыслями о том, что пришло время остепениться и завести семью. До сегодняшнего дня любые слова о браке мгновенно вызвали реакцию отторжения, а тут как будто бы так и надо. Ещё он подумал, что его устраивает ситуация, что кто-то за него всё решил и ему не надо вылезать из шкуры, прыгать на одной ножке перед избранницей и не дай бог получить отказ. Что же теперь делать с Катей? Их отношения были очень дороги обоим и потому они оберегали их от стороннего взгляда годами.

Как же сложно, подумал Алексей, а вслух спросил с вымученной улыбкой:

– А ты с чего это взяла? Катя, ау!

Катя сняла руки с плеч и уселась на столик перед Алексеем. Убедившись, что Алексей слушает её, открыв рот, она продолжила:

– А ты ещё ничего не понял? Лёша, разве можно доверять женщинам, ай-яй-яй, как это на тебя не похоже. Ты помнишь, где ты был вчера вечером? По глазам вижу, что помнишь. Просто замечательно. А твоя Царевна-лягушка моя давнишняя приятельница и зовут её, кстати,

Катя. Сегодня это милейшее создание прилетело утром и, умирая от восторга, рассказала, что наконец-то ты обратил на неё внимание, был безумно нежен и предложил руку и сердце. Очень ей хотелось получить от меня благословение. И я его ей дала. Теперь ты мой должник навеки. Кстати, как тебе халат? Мы с ней его долго выбирали, правда тогда я не знала, что для тебя. Классная вещь, правда? Дорогая жутко, ей он обошёлся в трёхмесячную зарплату. Знаешь, что тут самое смешное – я мысленно прикидывала его на тебя.

Алексей понял, что по лицу течёт холодный пот и вообще его всего колотит. Взяв Катю за руку и убедившись, что это не кошмарный сон, Алексей осторожно спросил:

– Послушай, а ты уверена, что это так и было? Я не могу вспомнить вчерашний вечер, что-то не так пошло. Может я просто погорячился и пообещал жениться до того? А? Может кто-то чего-то не понял. А как же ты? Я к тебе очень привязался, а тут вдруг так сразу надо жениться. Ну чего ты молчишь, – зарычал Алексей.

– Ничего я не молчу, – возмутилась Катя, – просто не хотела перебивать. Царевна сказала, что предложение ты сделал на кухне сидя за столом, попивая чай в прекрасном настроении и блаженном состоянии, перед тем как задрых без задних ног. Теперь не открутишься. А я, ну так я тоже Катя, тебе ничего не грозит, даже если перепутаешь. И я буду хранить тайну, но одну вещь я от тебя хочу получить. Ты согласен?

– Я для тебя сделаю всё что угодно, – радостно воскликнул Алексей и осёкся, увидев грустные глаза Кати и тихо спросил, – А что ты хочешь?

– Ничего особенного, – с мягкой улыбкой, взъерошив Алексею, волосы сказала Катя, – я хочу от тебя ребёнка, и лучше девочку. Мама не возражает. Да и ещё совсем мелочь, я хочу, чтобы на этом диване, который я обожаю до слез, никого кроме меня не было.

Алексей почувствовал, что падает куда-то в пустоту, внизу живота возникла льдина, которая не давала дышать. Он закрыл глаза в надежде, что сейчас всё пройдёт и мир вернётся в обычное состояние.

Ничего не проходило, и он провалился в сон, быстрый, но поразительно глубокий. Они сидели вечером на диване после рабочего дня и просто болтали. Алексей привычно шутил, что ни в цирк, ни в зоопарк он уже давно не ходил и совсем не хочет, потому как тут намного круче. Катя смеялась и говорила, что это потому, что тут они сами в клетке, а студенты приходят на них посмотреть и послушать. К тому же некоторые из них выполняют заодно и роль дрессировщиков, вроде Шефа или ректора. Только всё же различие есть с зоопарком и цирком. Оно очень важное, ключи от клеток у них самих в руках, но нет желания выйти на свободу. А кто-то, вроде Шефа, Деда или Эммы вообще выбросили свои ключи, потому их вынесут из клеток только вперёд ногами. Алексей тогда согласился, ему очень понравилась Катина ассоциация, он поинтересовался, а как обстоят дела с его и её ключами. О, смеялась она, мои-то просто висят на крючочке в клетке. Они никому не нужны, даже мне. А вот ты свои притырил, чтобы никто не мог тебя вытряхнуть из тёплой клетки, но себе врешь, что хочешь сам распоряжаться своей волей и неволей. Сон закончился, пора вернуться, подумал Алексей и открыл глаза.

– Ну, ты силен! – воскликнула Катя, увидев, что Алексей смотрит на неё, – взять и нагло уснуть во время такого важного разговора. По тебе плачет психиатр, или даже вся психбольница, причём навзрыд. Ну, скажи, ты ведь рад, что так сложилось?

– Ага, рад, да так, что вообще перестал от радости различать, где верх и низ, тепло и холод, друзей и врагов... Я хочу домой, в тёплую постель и ничего больше. Не обижайся, я выжат как тазик с сухофруктами, из которых по второму разу выдавили стакан сока, – с отчаянием проговорил Алексей и, подперев подбородок руками, уставился на Катю большими грустными глазами.

– С тобой Лёша, ясно. Вы, мужчины, вообще не способны принимать жизнь такой, какая она есть. Давай-ка я попрошу Деда закинуть тебя домой, а свою клячу заберёшь через несколько дней, как только отойдёшь, – решительно выговорила Катя и взялась за телефон.

– Ты не кляча! – возмутился Алексей.

Телефон выпал у Кати из рук. Она облегчённо рассмеялась от всей души:

– Точно заметил, я действительно пока не кляча, а вообще-то я имела в виду твою машину. Ну, так что, звоню Деду?

– Давай, но ведь обормот Саша не пришёл, как уезжать? – мрачно ответил Алексей, не меняя позы и не мигая глядя на Катю, которую он увидел совершенно с другой стороны.

– Чёрт с ним, разберётся сам. Послушай, как же я тебя не понимал, это просто невозможно, ты такая взрослая и мудрая оказалась, – медленно, почти по слогам проговорил Алексей и закрыл глаза. Ему показалось, что она должна хорошенько треснуть его по башке, но ничего не произошло, и он осторожно открыл глаза.

Катя смотрела на него с удовольствием, как смотрят на красивое и дорогое домашнее животное и чему-то про себя улыбалась.

Алексей осмотрелся вокруг и, взяв Катю за руку спросил:

– А ребёночка когда будем...

Она фыркнула и рассмеялась:

– Ты не исправим, Лёша, у тебя за эти сутки столько всего произошло, а ты о чем думаешь? Вся жизнь у человека изменилась, а он как рядовой Иванов думает об одном и том же, жуть какая-то.

Раздался сильный требовательный стук, пришёл Дед. Рано ключ от клетки доставать, решил Алексей и открыл дверь кабинета.

«Одни сутки, всего одни сутки» – как мантру повторял про себя Алексей пока они шли к машине и ехали по насквозь продуваемым и холодным улицам.

Пробуждение

Коля проснулся рано и быстро одевшись, вышел на улицу. Всю ночь шёл снег, потому его напарник спокойно накатил и даже не подумал махать лопатой впустую. Вся работа осталась Коле, и он не спеша начал расчищать проходы к подъездам.

Сам Коля был крепким молодым мужиком. Его с детства за глаза, а иногда и в открытую, называли нехорошими словами, из которых «тормоз» было самое невинное. Намного чаще обзывали идиотом, дебилом и, что особенно его огорчало, недоноском. Он почти не обижался на окружающих, потому как и сам понимал, что с ним происходит что-то неладное. Школу так и не закончил, ничего не получалось у Коли, а если и получалось, то слишком поздно. Девочки шарахались, и он понимал, что это не случайно, но от него всё равно ничего не зависело. Изредка мир вокруг становился ярким, цветным, пели птицы, дул ветер, но это счастье очень быстро кончалось, всё опять становилось серым, мимо опять сновали люди и говорили, говорили, говорили что-то не понятное.

Дворником по просьбе матери его взяли с удовольствием, где ещё найти крепкого парня, обязательного и непьющего. Только и тут, если что-то случалось, то исключительно в его смену. Если сосульке суждено было упасть, то именно перед его носом и обязательно на крышу самого дорогого автомобиля во дворе. Если у подъезда образовывалась наледь, то именно в те десять минут, пока он её не почистил, на льду поскользнулась главная стерва округи, являющаяся по совместительству старшей дома. Отца он не помнил, а мать, работавшая в соседнем магазине, очень рано постарела и каждый раз, глядя на сына, с трудом сдерживала слёзы.

Прочистив дорожки для ранних пташек, выбегавших на работу в 6—7 утра, Коля начал чистить проезд между домами. Мимо, улыбаясь, прошла девушка из второго подъезда с внушительной сумкой и приветливо помахала ему рукой. Коля оперся на лопату и с удовольствием смотрел ей вслед, как вдруг понял, что сейчас будет беда. По поперечной дорожке шла машина и их пути неминуемо пересекались. Девушка смотрела на Колю, улыбалась и шла спиной вперёд навстречу беде. Коля сорвался с места и, подскочив к ней, отшвырнул в сугроб. Сильный толчок в бок, потом удар обо что-то твёрдое, страшный треск и острая боль в голове.

И вдруг, несмотря на боль, Коля увидел медленно падающие снежинки, тёмно-синий капот и ясно услышал голос хозяина колымаги. Тот орал, что сейчас убьёт идиота, который разбил стекло и вообще испохабил ему машину. В момент, когда озверевший водитель покалеченного авто схватил его за руку, Коля увидел, что на голову обидчика опустилась с хрустом тяжёлая сумка. Нападавший исчез, а перед Колей возникло женское лицо с огромными испуганными глазами. Всплеск ощущений быстро прошёл, и к Коле вернулась дикая боль в голове почти отключившая сознание.

Сквозь туман он слышал, как девушка кричала в трубку, – «Папа, меня чуть не задавили! Человек, который мне спас жизнь, умирает, помоги! Я разбила лучшую камеру редакции о голову дебила, который меня чуть не угробил и набросился с кулаками на моего спасителя. Он тоже тут лежит без сознания в сугробе. Боже мой! Папа, помоги!». Сладкое тепло охватило Колю, впервые в жизни дебилом назвали не его.

Сквозь туман он слышал, как девушка кричала в трубку, – «Папа, меня чуть не задавили! Человек, который мне спас жизнь, умирает, помоги! Я разбила лучшую камеру редакции о голову дебила, который меня чуть не угробил и набросился с кулаками на моего спасителя. Он тоже тут лежит без сознания в сугробе. Боже мой! Папа, помоги!». Сладкое тепло охватило Колю, впервые в жизни дебилом назвали не его.

Больше Коля ничего не видел и не слышал. А к вечеру того же дня в коридоре больницы врач, вышедший из операционной и жутко уставший после четырёхчасовой операции, как мог утешал девушку, её отца и мать Коли:

– Поймите, операция сложная, травма серьёзная, крови он потерял очень много. Но не волнуйтесь женщины, выживет ваш герой. Не забудьте, кстати, принести новую одежду, из того, что на нем было, уцелели только носки, – доктор замолчал и задумался, – и вот ещё что, у мужчины были тяжелейшие повреждения двух артерий полученные, полагаю, что ещё при рождении. Мы их восстановили, но совершенно непонятно, как он мог нормально существовать до настоящего времени. Ох, не понимаю. Но теперь будет как новенький, только не раньше чем через пару месяцев.

Коля же ничего не слышал, он тихо лежал опутанный проводами и шлангами, за него дышал автомат, а в мозгу бежала бесконечная цепочка никогда ранее не виданных цветных красивых снов.

Остановка

Третий день подряд шёл сильный снег. Большие снежинки падали в полной тишине. Полянка перед избушкой, лес и кусты вокруг стали черно-белыми и казались нереальными. Была середина сентября, когда снегопады в этих краях не редкость, но такого сильного и нескончаемого Фёдор не ожидал. Просидев два дня безвылазно в избушке, выходя лишь изредка на порог по необходимости, он решил, наконец, на крупную экспедицию в ближайший кустарник, поскольку туалета в зимовье не было предусмотрено. Одевшись потеплее, он сделал несколько энергичных вдохов и решительно пробежал два десятка метров. Сочтя это более чем достаточным, он выполнил поставленную задачу, чертыхаясь от сырости. Когда всё было успешно завершено, Фёдор с удивлением обнаружил, что его следы полностью заметены снегом, а избушки не видно вовсе. Весь мир вокруг был совершенно белым без верха и низа.

Осмотревшись, он немножко запаниковал, но быстро успокоился – нельзя же заблудиться в двадцати метрах от жилья, в котором он провёл уже два месяца кряду. Весело насвистывая, он попытался разглядеть следы на снегу, но всё вокруг было совершенно одинаковым и на первый взгляд казалось вообще нетронутым. При внимательном осмотре следы стали обнаруживаться во всех направлениях. Убедившись в тщетности поисков свежих следов, Фёдор сник, но уверенность в себе его не покинула. Поразмыслив спокойно и трезво, он решил двигаться по спирали вокруг места отдохновения, предполагая, что, в конце концов, избушка не может никуда убежать и он на неё наткнётся через два-три круга. Вдохновлённый идеей, Фёдор двинулся по воображаемой спирали, усмехаясь над природой, царём которой он себя упорно воображал. Через минут пятнадцать бодрого хода страх остановил его на полушаге. Остановившись как вкопанный, Фёдор осмотрелся и понял, что он попал в совершенно незнакомое место, а избушка так и не попала на пути. Ходьба по пушистому толстому слою снега его не особо утомила, он много двигался в последнее время. Однако безотчётный страх уже возник в глубине души и вырвался на волю криком, который утонул в белой пелене снега и вернул мысли в нормальное русло.

Чтобы окончательно успокоиться, Фёдор решил трезво, как его этому учили с детства, проанализировать обстановку. Для начала он попытался представить себе место, где провёл уже два месяца, в виде карты или вида сверху, однако, у него ничего не получилось. Удивившись такому делу, Фёдор решил вспомнить всё, что он знал об этом месте. Избушка, по словам провожавших его местных охотников, была всего в десяти-двенадцати километрах от посёлка вверх по речке, которую Фёдор презрительно называл чахлым ручейком. Тропа к избушке шла вдоль речки, прыгая с берега на берег по стволам огромных поваленных деревьев и обегая выходы скал то с левого, то с правого берегов. По утверждению местных, в речке водилась форель, но Фёдор тогда отнёсся к этому факту как к редкой чуши, так как он не мог вообразить себе, как шустрая рыбка величиной с ладонь могла бы поместиться в потоке лишь не намного большем, чем можно увидеть в унитазе. Сама избушка стояла на полянке в пятидесяти шагах от воды, почти незаметная с тропы. Полянка вытянулась вдоль речки и была со всех сторон окружена островками кустарника, большую часть которого составляли заросли жимолости. Среди кустарника на островках мха и травы росли солидные ели, изредка попадались сосны. Все освещаемые солнцем участки были покрыты кустиками черники и голубики. Долина речки здесь была шириной около километра и длиной чуть поболее. Со всех сторон она была окружена трудно проходимыми крутыми и каменистыми склонами. Помучавшись ещё несколько минут, Фёдор вспомнил, что солнце вставало с той стороны, откуда текла речка, а заходило с противоположной. Больше ничего путного в голову не приходило, поэтому Фёдор решил сориентироваться на местности так, как его учили ещё в школе. Через несколько минут, он понял, что это ему не удастся из-за отсутствия компаса, солнца, а также характерных муравейников

и тому подобных ориентированных по сторонам света объектов. С едкой иронией он подумал, что сошли бы и такие объекты как церковь или кладбище, но их здесь тоже не было. Подумав ещё, Фёдор согласился с тем, что не очень то и хотелось ориентироваться, поскольку всё равно неизвестно, какую сторону света следовало бы предпочесть, чтобы выйти к избушке. Пока шёл мыслительный процесс, Фёдор изрядно остыл и промок. Неприятный холодок страха снова пробежал по спине. Всплыла противная и липкая мысль о возможности замёрзнуть в десяти метрах от избушки, так и не найдя её.

Сырость, холод и желание ещё пожить на свете вернули его к реальности. Собравшись с мыслями, Фёдор вспомнил, что герои Джека Лондона попадали в куда более тяжёлые ситуации, но борясь с ними, всегда выходили победителями. Эта мысль добавила сил, хотя одновременно прокралась и другая, которая поведала, что писать о побеждённых не было смысла, поэтому, сколько их было ведомо одному богу. Как бы там ни было, Фёдор решил, что он должен быть победителем, а потому надо сосредоточиться на стратегии поиска избушки. Покопавшись в памяти, он выудил оттуда всё, что ещё валялось там с институтских времён по стратегиям поисков минимумов и максимумов. Наиболее интересным показался метод Монте-Карло. Для своей ситуации Фёдор применил его очень элегантно, так, что даже залюбовался собой. Достаточно просто идти в произвольно выбранном направлении; натолкнувшись на препятствие, следует повернуть случайным образом и продолжать движение.

Приняв столь красивое решение и любуясь собой, Фёдор двинулся вперёд. Через минуту ему преградила дорогу здоровенная ёлка. Усмехнувшись, он повернулся налево и продолжил движение. У следующей ёлки он повернулся направо, затем снова направо и, постепенно втянувшись в ритм игры со случайностью, шагал с лёгким сердцем и гордостью за свой интеллект. Минут через десять он согрелся, потом основательно вспотел и через полчаса встал, как загнанная лошадь, потому как двигаться приходилось по толстому слою мокрого снега.

Прислонившись к стволу сосны, Фёдор с трудом отдышался и осмотрелся вокруг. До него дошло, что он мог топтаться среди десятка деревьев на небольшом пятачке, а мог уйти от избушки на полкилометра. Оба варианта были одинаково безрадостными. Получасовая пробежка по снегу заставила задуматься. Самым интересным Фёдору показалось то, что он шёл, вроде бы глядя под ноги, но ни разу не заметил собственных следов, а ведь он пересёк их наверняка не один раз. Всё это неприятно удивило Фёдора, так как он считал себя очень наблюдательным от природы и регулярно поражал сослуживцев, подмечая незаметное другим в окружающих. Отдых у сосны вернул силы, но не вернул хорошего расположения духа.

Напряжённо вглядываясь в белую стену перед собой, он с ужасом подумал, что если он сейчас сдастся и замёрзнет вот так, неподалёку от избушки, то его кончина станет поводом для насмешек мужиков из посёлка, в котором живёт его друг, а точнее приятель, поскольку друзей у Фёдора давно уже не было. Эта мысль очень сильно укусила его за самолюбие, и, оттолкнувшись от ствола сосны, Фёдор бросился вперёд с отчаянием, но без особой надежды на успех. Ему просто хотелось поскорее отогнать гадкую мысль, да и найти избушку тоже не помешало бы.

Пройдя метров пятьдесят и застряв в кустах, Фёдор подумал, что за два месяца он совершенно не познакомился с долиной. Да, он исходил долину вдоль и поперёк, но всегда шёл с какой-то очень важной целью. Он ходил за грибами, чтобы наесться ими на год вперёд. Он охотился на бегающих или летающих, которых было много вокруг, чтобы потом зимой с упоением рассказывать об охоте и охотничьих приключениях. Он занимался хозяйством, собирая дрова или набирая воду из речки. Ни никогда Фёдору не приходило в голову просто погулять и осмотреть окрестности.

Обнаружив своё незнакомство с окружающим миром, Фёдор почувствовал, как растёт его раздражение на речку, избушку с жёстким, местами подгнившим лежаком, окружающие долину горы, а заодно и на мужиков, которые бросили его в такую мерзкую погоду и не при-

шли за ним, когда начался снегопад. Вместе с раздражением вырос и страх. Он охватил всё тело, вцепился в самое нутро и начал душить Фёдора своей огромной тушей. Впереди показалась здоровенная ёлка, под крону которой Фёдор продрался, ободрав лицо и руки. Вцепившись в смолистый ствол, он дал волю своим эмоциям. Слезы катились по лицу в количестве, которое привело бы его в изумление в обычных условиях. Брезентовая куртка, свитер, джинсы и шапочка были насквозь мокрыми и удивительно холодными. Сапоги, казалось, существовали отдельно от тела, поскольку пальцы на ногах замёрзли почти до потери чувствительности.

Фёдору стало невероятно жалко себя. Казалось невероятно обидным замёрзнуть в этой забытой богом и людьми глуши, куда он сдуру забрался после того, как на работе всем предложили пойти в отпуск без содержания на любой срок. Поскольку ни о каком доме отдыха думать с имеющимися средствами не приходилось, Фёдор сел на поезд, потом на автобус, потом на попутку и, потратив четыре дня, в конце концов, добрался до посёлка, где жил мужик, с которым они познакомились по случаю в гостинице. К изрядному удивлению Фёдора его приняли очень тепло, подобрали одежду, нашли ружьишко, снабдили едой и через день проводили в избушку, которую теперь никак не удавалось найти. Уходя, мужики посмеивались – вот тебе Фёдор и Простоквашино.

Нарыдавшись вдоволь, Фёдор вытер лицо мокрой рукой, которую очень тщательно вытер о куртку и осмотрелся вокруг. Ощущение абсолютно незнакомого места не покидало его уже ни на минуту. Умерив дрожь от мокрого холода, Фёдор решил тщательно проанализировать своё хождение и, наконец, найти эту злополучную избушку. Он напрягся, как мог, но ничего не смог воспроизвести, кроме бестолкового метания среди кустов и деревьев. Удивило его то обстоятельство, что за всё время он ни разу не переходил речку и не слышал её журчания, а даже не почувствовал запаха дыма старенькой печки, который обычно волнами бродил по всей долине. Эти открытия окончательно подкосили Фёдора, и от его уверенности остался аккуратный ноль. Он даже увидел этот ноль перед собой в стене из падающих снежинок.

Убедившись, что герой Джека Лондона из него не получился, Фёдор решил обратиться к богу. По правде говоря, его знание религии ограничивалась первой строчкой «Отче наш», да концовкой неизвестно к чему относящейся молитвы «Во имя отца и сына и святого духа, аминь». Собравшись с духом, Фёдор обратился к богу с просьбой вытащить его отсюда, показать путь к избушке, а также сдобрил просьбу нецензурными характеристиками места и времени, да ещё и пожеланиями, чтобы вся эта долина провалилась в тартарары вместе с посёлком и здешними суровыми мужиками. Естественно, ничего не произошло, кроме усиливающегося насморка и оцепенения от холода. Постояв, прижавшись к мокрому стволу сосны, Фёдор тихим голосом повторил просьбу в смиренной форме, на этот раз, избегая всякого богохульства, но Всевышний по-прежнему остался глух и равнодушен. Тогда Фёдор решил идти дальше. Он пообещал Всевышнему, что изменит образ жизни, бросит курить, расстанется с пороками и, вообще, купит икону, будет ходить в церковь и ставить по выходным свечку. Взамен он просил лишь показать путь к избушке.

Постояв пару минут, Фёдор понял, что сделка не состоялась, что его жертвы никому нужны, да и сам он никому не нужен. Жена с сыном уже лет пять, как ушла от него по причинам совершенно непонятным Фёдору, объяснив свой поступок тоскливостью совместного существования. Родителей Фёдор видел последний раз года два назад, и никакого желания преодолеть на поезде пару сотен километров, чтобы поговорить о чепухе, из которой состояла их нынешняя жизнь, у него не было. Пожертвовать пороками при детальном рассмотрении тоже не удавалось из-за явного отсутствия их присутствия. Становилось всё более досадно, что нет ничего такого, чем можно было бы пожертвовать во имя спасения. Его убогая двухкомнатная квартирка в пятиэтажке, служившая приютом сонмищу тараканов, вообще не представляла интереса. Оставалась работа, которой он отдал более пятнадцати лет жизни. Однако оказалось, что и там нет ничего, за что можно было бы зацепиться или принести в жертву. То, что каза-

лось когда-то невероятно важным и требующим мобилизации всех сил, теперь представлялось пустяковым и малоинтересным. Забавно стало, что, несмотря на усилия, не удалось вспомнить ни одного лица сослуживцев вне контекста их общения с самим Фёдором. Начальник отдела привиделся в момент объяснения очередного задания. На его лице было написано, что ему прекрасно известно, что Фёдор прекрасно знает, как выполнить работу, но слова должны быть сказаны и подобающе восприняты. Коллеги вспоминались только по их рассказам в курилке, которые вращались вокруг двух основных тем – подружки да автомобили. Одна из дам вспомнилась лишь во время выяснения отношений о забытой во время обеда, а потому непотушенной им сигарете, в папке на её столе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.